

I.

ИЗЪ ВОЕННО-ПОХОДНЫХЪ ЗАПИСОКЪ О КАМПАНИИ 1829 ГОДА ВЪ ТУРЦИИ.

(Бывшаго личного адъютанта графа Толя, впоследствии генераль-
адъютанта В. Ф. фонъ-деръ-Лауница).

ЧЕРНОВОДЫ, СЛѢДОВАНИЕ КЪ СПЛИСТРИН, ОБЛОЖЕНИЕ И ОСАДА ПОСЛѢДНЕЙ.

Какъ родной очагъ, еще издали привѣтствовали я показавшіяся верхушки бѣлыхъ палатокъ нашего лагеря, расположеннаго на весьма сплшной позиціи, по высокому хребту холмовъ, около Дуная.

За исполненное мною порученіе я удостоился благодарности моего начальника и, по его же представленію, особаго благоволенія главнокомандующаго; но наибольшая для меня награда заключалась въ убѣжденіи, что я облегчилъ участь несчастныхъ калѣкъ, найденныхъ мною въ разныхъ госпиталяхъ и въ особенности въ Браиловѣ; по моему представленію, ихъ снабдили деньгами, одеждою и направили въ Яссы, для дальнѣйшаго о нихъ попеченія.

Въ Черноводахъ, — такъ называлось мѣсто нашего расположенія, — началась собственно настоящая солдатская, походная жизнь. Подъ нашею офицерскою палаткою живетъ весьма хорошо; на кровати, замѣненной, благодаря ловкости моихъ деньщиковъ, плетенкою изъ сучьевъ, спалось отлично, а должность столовъ и стульевъ временно исправляли наши сундуки и чемоданы.

Въ лагерь царствовало необыкновенное оживленіе; веселый го-

воръ, громкія пѣсни и музыка утихали лишь къ вечеру, когда заре-
вая пушка призывала къ покою. Въ это же время оканчивалось и
наше дежурство. Вечера и ночи были еще весьма прохладны, и съ
закатомъ солнца приходилось прибѣгать къ шинели, поэтому, возвра-
щаясь въ свою палатку послѣ цѣлаго дня службы, не могло быть
ничего пріятнѣе согрѣвающего чая. Этотъ часъ дня былъ для насъ
самымъ пріятнымъ въ теченіе всего похода; это былъ часъ отдыха,
взаимнаго обмѣна мыслей. Мой старый товарищъ К. покуривалъ обык-
новенно въ это время свою трубочку, и разговоры наши захватывали
и прошедшее, и настоящее, и будущее. Охотно вспоминали мы прош-
лые мирные, тихіе дни; часто мнѣнія наши осуждали или восхваляли
настоящее и строили планы и воздушные замки въ будущемъ. Кое-
что судьба и осуществила, по многое осталось мечтою.

Между тѣмъ, луга и лѣса покрылись роскошною зеленью, лошади
начали пользоваться обильнымъ подножнымъ кормомъ; но едва только
послѣдніе отряды успѣли совершить тяжелую свою переправу черезъ
Дунай и присоединиться къ главнымъ силамъ, какъ послѣдовало рас-
поряженіе: выступить 1-го мая съ занимаемой позиціи и слѣдовать
къ Силистріи. Съ этого времени походное движеніе наше приняло
серьезный характеръ, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ въ этомъ
случаѣ военныхъ правилъ. Обозъ главной квартиры слѣдовалъ не-
посредственно за послѣднею колонною и прибывалъ къ мѣсту почлега
не ранѣе часа по ея приходѣ, такъ какъ повозки, вслѣдствіе тяжелой
и узкой дороги, не могли двигаться иначе, какъ въ одинъ рядъ.
Обстоятельство это, которое нельзя было невѣстить ради всеобщаго
порядка, было для насъ неудобно въ томъ отношеніи, что мы весьма
часто лишь съ наступленіемъ ночи попадали въ нашу палатку, къ
нашему чайному ящику и другимъ удобствамъ, находившимся въ обо-
зѣ, причемъ нерѣдко приходилось обѣдать въ десять часовъ вечера,
тогда какъ, слѣдуя съ генераломъ Толемъ постоянно въ переднемъ
эшелонѣ, мы достигали мѣста бивака около пяти, шести часовъ. Въ
послѣднемъ случаѣ, ради развлеченія, мы присутствовали обыкновенно
при вступленіи полковъ, которые никогда иначе не располагались на
бивакѣ, какъ при звукахъ музыки и пѣсень. Бывало, солнце уже
давно скроется за горизонтомъ, а воздухъ все еще оглашается весе-
лыми пѣснями, въ которыхъ мы до того прислушались, что по нимъ
узнавали полки.

Съ своей стороны, графъ Дибичъ, если его не задерживали какія
либо занятія, выходилъ почти всегда на встрѣчу вступающимъ вой-
скамъ, съ тѣмъ пріятнымъ выраженіемъ въ лицѣ, которое было ему

свойственно и приковывало къ нему всѣ сердца. Здороваясь ежедневно съ войсками, называя по именамъ полки, нерѣдко даже отдѣльныя роты, онъ былъ всегда привѣтливъ и въ отличномъ расположеніи духа. Этимъ онъ заслужилъ себѣ полную любовь солдатъ, равно какъ и изчальствующихъ лицъ, которыя, видя его каждый день, знакомясь съ нимъ, приобрѣли къ нему полнѣйшее довѣріе. Ничего подобнаго не бывало въ предшествовавшемъ походѣ, и многія части не видѣли даже въ лицо главныхъ своихъ руководителей.

Порядокъ нашего походнаго движенія во время слѣдованія къ Силистріи, въ теченіе почти всей кампаніи, былъ слѣдующій: авангардъ въ переходѣ впереди, за нимъ главные силы, выступавшія, по-эшелону, около четырехъ, пяти часовъ утра, имѣя въ первомъ эшелонѣ саперовъ; потомъ главная квартира около семи, восьми часовъ, легкій обозъ слѣдовалъ съ аріергардомъ, за главною квартирою, и, наконецъ, тяжелый обозъ—въ переходѣ за главными силами. Въ десять, одиннадцать часовъ утра, на полупереходѣ дѣлался большой привалъ, войска варили себѣ обѣдъ и отдыхали до того времени, пока не спадетъ сильный дневной жаръ. Едва только отдаваемо было приказаніе расположиться на привалѣ и полки занимали указанныя имъ мѣста, какъ въ одно мгновеніе ранцы и натронныя сумы были уже сняты, ружья установлены въ козлахъ, покрыты шинелями или вѣтвлыми деревьеви, и въ мигъ готовъ былъ цѣлый лагерь. Въ то же время другіе солдатики успѣвали набрать хворосту изъ изгородей, или сухихъ сучьевъ, развести огонь, сбѣгать съ жестяными гремящими манерками къ фонтану за водой, и, немного спустя, вкусная каша съ саломъ дымилась въ котлахъ.

Офицеры штаба располагались въ это время подъ тѣнистымъ деревомъ или подъ кровлею покинутаго зданія, пускали лошадей на траву и утоляли голодъ солдатскими сухарями, сыромъ, а иногда стаканомъ молдаванскаго вина. Эти маленькіе запасы возились нашими казаками, которыхъ было прикомандировано по одному къ каждому офицеру генеральнаго штаба и адъютанту.

Мѣстность отъ Гирсова до Силистріи чрезвычайно пересѣченная; до Черноводъ горы покрыты лишь скудною растительностію, небольшими кустами; далѣе же, когда горы становятся круче, на нихъ часто встрѣчаются большія деревья, а во многихъ мѣстахъ и густые лѣса. Среди этой мѣстности извиивается единственная торная дорога, то поднимаясь въ гору, то спускаясь подъ гору и проходя чрезъ узкія дефиле, между почти отвѣсными скатами горъ, вершины которыхъ покрыты лѣсомъ. Развертываніе силъ при такихъ условіяхъ было дѣ-

ломъ немислимымъ, такъ какъ на этой мѣстности невозможно было даже рассыпать по сторонамъ стрѣлковыя цѣпи, и самому небольшому непріятельскому отряду было бы легко задерживать па каждомъ шагѣ наше слѣдованіе. Между тѣмъ, мы ни разу не встрѣтили здѣсь непріятеля и слѣдовали такъ же покойно и безопасно, какъ по своей странѣ.

Во всей Европѣ, за исключеніемъ развѣ Испаніи, нѣтъ, мнѣ кажется, страны, гдѣ бы мѣстныя условія болѣе благопріятствовали оборонительной войнѣ, какъ въ Турціи; одна позиція прикрывается другою и атака каждой можетъ потребовать значительныхъ усилій и по обойдется безъ большихъ потерь. Совершенное непониманіе свойствъ этой мѣстности служило яснымъ доказательствомъ невѣжества турокъ и доказывало также бездарность европейскихъ офицеровъ, служившихъ въ войскахъ Порты.

Болгарія вообще представляется прекрасною, плодородною стра-ною, украшенною живописными ландшафтами, за исключеніемъ лишь пространства, тянущагося вдоль морскаго берега, между Варною и Дунаемъ, и представляющаго ровную степь, богатую сѣнокосами. Съ переправою на правый берегъ Дуная, какъ только берега прекрасной рѣки уходятъ вдаль, путникъ какъ бы отчуждается отъ всего чело-вѣчества, и глазамъ его, кромѣ пернатыхъ обитателей воздуха, не представляется ни единого живаго существа; поля заглохли, деревни опустѣли и большею частію разрушены, такъ что о существованіи ихъ въ данномъ мѣстѣ можно было узнавать лишь по выдающимся надгробнымъ камнямъ кладбищъ. Плодородіе почвы, значительное оби-ліе воды, въ особенности въ сѣверо-западной части, и, наконецъ, жи-вописная мѣстность Болгаріи были, по всей вѣроятности, главными причинами того, что здѣсь предпочтительно поселились турки, частію вполне вытѣснивъ прежнихъ обитателей, болгаръ, частію отодвинувъ ихъ къ морскому берегу или заселивъ ими Румелію. Впрочемъ, болгарскія селенія до самыхъ Балканъ найдены были нами пустыми, такъ какъ турки, при отступленіи въ горы, принудили къ этому и все христіанское населеніе. При этомъ турки весьма часто варварски портили фонтаны, у которыхъ мы только и снабжались хорошею во-дою, такъ какъ недостатокъ послѣдней былъ главнымъ затрудненіемъ, съ которымъ намъ приходилось бороться. Вообще, фонтаны и ручьи не особенно богаты водою и встрѣчаются не повсемѣстно; поэтому по нимъ-то и составлялся расчетъ нашего походнаго движенія, причемъ, весьма часто утомленные войска, ради одной воды, должны были дѣ-

затѣ много лишннихъ верстъ, или становиться на ночлегъ по-эшелону, на весьма большомъ разстояніи одинъ отъ другихъ.

Условія эти, конечно, тягостныя всего отражались на кавалеріи. Часто случалось также, что вблизи бивачнаго расположенія, вмѣсто фонтана или ручья, имѣлись лишь глубокіе колодцы, изъ которыхъ, за немѣнѣемъ ведеръ, вода добывалась котелками или походными фляжками, прирѣпленными къ длинной веревкѣ. Собственно говоря, въ Турціи фонтаны единственная вещь, достойная похвалы. Турки владѣютъ совершенно особеннымъ искусствомъ по части устройства этихъ благодѣтельныхъ сооруженій. Помощью круглыхъ, плотно скрѣпленныхъ глиняныхъ трубъ, они часто проводятъ чистую струю воды съ весьма дальняго разстоянія къ селу или къ проѣзжей дорогѣ, гдѣ, у подножія горы или холма, возвышается сооруженіе изъ камня или мрамора, украшенное въ верху именемъ строителя фонтана или стихомъ изъ корана. Свѣжая, холодная вода собирается въ длинные четырехъугольные каменные бассейны, вторыхъ обыкновенно бываетъ нѣсколько около каждаго фонтана; они такъ расположены, что вода, нигдѣ не переливаясь за край бассейна, имѣетъ вездѣ одинаковый протокъ. Первый изъ этихъ бассейновъ служитъ собственно для утоленія жажды; турокъ никогда не станетъ въ немъ мыться, а тѣмъ болѣе поить въ немъ свою скотину: для этого предназначены нижестоящіе бассейны. Въ случаяхъ, когда источникъ очень обиленъ водою, отъ него прокладываютъ нѣсколько рядовъ трубъ, образующихъ такое же число фонтановъ; сбѣгающая съ послѣдняго бассейна у фонтана вода собирается въ новыя трубы и служитъ къ образованію втораго, третьяго фонтана и т. д., пока струя на столько истощится, что нельзя болѣе разсчитывать на сооруженіе новаго фонтана.

Ближе и ближе подходили мы къ Силистріи и съ минуты на минуту могли встрѣтиться съ непріателемъ. Съ 4-го мая авангардъ былъ приближенъ къ главнымъ силамъ и слѣдовалъ въ нѣсколькихъ верстахъ впереди. Около полудня мы выѣхали съ генераломъ Толемъ въ авангарду, съ тѣмъ, чтобы обресогносцировать впереди лежащую мѣстность, для освѣщенія которой посланъ былъ 5-й Черноморскій казачій полкъ. Дорога идетъ въ этомъ мѣстѣ вдоль самаго берега Дуная, среди холмистой мѣстности, на которой встрѣчаются одиночныя деревья; тамъ и сямъ виднѣлся густой кустарникъ. На 6—8-й верстѣ отъ Силистріи дорога пересѣкается глубокою, въ родѣ оврага, долиною, по которой протекаетъ небольшая рѣчонка, длиною около полуторы версты, впадающая въ заливъ Дунай. Чрезъ эту долину пролегли двѣ дороги, отходящія отъ главнаго пути версты на че-

тыре, изъ которыхъ правая, идущая вдоль самаго берега Дуная, довольно широкая и нѣсколько покатая, ведетъ чрезъ узкую часть долины по каменному мосту, перекинутому у начала залива. Мостъ этотъ, вслѣдствіе высокой воды въ Дунай, былъ тогда затопленъ, причемъ, вода въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ доходила до холтъ лошади. Лѣвая дорога вела въ противоположную сторону и, спустись въ долину у подножія крутой каменной горы, переезжала верхнюю оконечность залива Дуная. Мы поѣхали по послѣдней дорогѣ, которая оказалась безусловно плохой, а мѣстами почти совершенно непроходимой; при спускѣ съ горы, по крутой тропинкѣ, пролегающей между камней, мы едва могли спустить нашихъ лошадей.

Проѣхавъ по долинѣ до противоположныхъ высотъ, мы нигдѣ не замѣтили непріятеля, и лишь на дальнемъ горизонтѣ показалось нѣсколько всадниковъ, которые однакоже быстро скрылись. Въ обратный путь мы поѣхали по другой дорогѣ, именно черезъ каменный мостъ, и ѣхали очень быстро, чтобы скорѣе найти графа Дибича, но, прибывъ къ войскамъ, расположившимся въ это время на привалѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ развѣтвляется дорога, мы не нашли здѣсь главнокомандующаго, который съ тою же цѣлью, какъ и мы, выѣхалъ впередъ по лѣвой дорогѣ. Генералъ Толъ, чувствуя себя весьма утомленнымъ отъ быстрой ѣзды и сильной жары, приказалъ мнѣ ѣхать къ графу и донести ему, что такъ какъ правая дорога, вслѣдствіе затопленнаго моста, была совершенно непроходима для войскъ, а лѣвая требовала значительныхъ исправленій, которыя могутъ быть окончены не ранѣе слѣдующаго утра, то, по мнѣнію Толя, арміи слѣдовало бы переночевать на занимаемомъ ею мѣстѣ и перейти долину на слѣдующій день.

Мнѣніе это однако не было принято. Графъ Дибичъ отдалъ слѣдующее приказаніе: войскамъ немедленно сняться съ привала и слѣдовать по лѣвой дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы, перейдя долину, къ вечеру того же дня расположить ихъ бивакомъ на позиціи, избранной на противоположныхъ высотахъ, причемъ артилеріи, если понадобится, выпрячь лошадей и на рукахъ спустить орудія съ горы. Съ этимъ-то приказаніемъ я прибылъ къ своему генералу, и такъ какъ всѣ остальные адъютанты были разосланы въ войска, то долженъ былъ снова тотчасъ же ѣхать къ главнокомандующему съ допесеніемъ, что отданное имъ приказаніе приводится въ исполненіе. При этихъ посылахъ туда и назадъ я выбралъ дорогу чрезъ каменный мостъ и, такимъ образомъ, проѣхалъ пять разъ по заливу Дуная, сдѣлавъ въ этотъ день по меньшей мѣрѣ 70 верстъ, не имѣя даже времени

перемѣнить лошадь. Считая излишнимъ долго распространяться о превосходствѣ мѣстнѣи Толя или Дибича, замѣчу только, что каждый, даже не специалистъ, легко пойметъ, что иначе и нельзя было поступить какъ то приказалъ графъ Дибичъ. Дѣйствительно, малѣйшее промедленіе нашихъ войскъ на этой мѣстности, при дѣйствіи съ противникомъ сколько-нибудь предприимчивымъ, могло бы имѣть для насъ весьма тяжкія послѣдствія. Для меня остается необъяснимымъ мнѣніе Толя, которое, не соотвѣтствуя его энергическому характеру, не могло быть оправдано никакими военными соображеніями. Вотъ одно изъ доказательствъ того, какъ легко впасть въ ошибку даже одаренному несомнѣннымъ военнымъ талантомъ человѣку. Съ своей стороны, не долго думая, я бы избралъ дорогу на каменный мостъ, такъ какъ она лучше и на половину короче, крѣпче, если мостъ, на разстояніи около ста шаговъ, и находился подъ водою, то 500 человѣкъ рабочихъ могли легко, въ нѣсколько часовъ, сдѣлать на немъ насыпь, необходимые же матеріалы, какъ-то: хворостъ, песокъ и камни были подъ рукою. Въ непринятіи указанныхъ мною мѣръ, наибольшая отвѣтственность должна пасть на находившагося при авангардѣ офицера генеральнаго штаба Л—у, который представилъ дѣло это чрезвычайно труднымъ, даже невозможнымъ.

Между тѣмъ, не смотря на самую усиленную работу, лѣвая дорога лишь съ наступленіемъ сумерекъ была на столько исправлена, что по спуску можно было двинуть орудія и артиллерійскій обозъ. Главная квартира осталась по сю сторону долины, а противъ насъ, на высотахъ, какъ только спустился ночной мракъ, загорѣлось несчетное количество огоньковъ, свѣтлое пламя которыхъ, высоко поднимаясь къ звѣздному небу, весело отражалось на гладкой поверхности Дуная. Среди этихъ бѣгучихъ огней расположились войска, которымъ на этотъ разъ приказано было не разбивать палатокъ, такъ какъ непріятель могъ сдѣлать ночное нападеніе. Издали отчетливо отражались отдѣльныя группы, блестяли штыки составленныхъ въ козлы ружей и видѣлись отдѣльные люди, осторожно и тихо осматривавшіе у огня свое оружіе, которому на завтра, быть можетъ, предстояла работа. Долго любовались мы прекрасною картиною изъ-за высокихъ деревьевъ, подъ которыми разбиты были палатки главной квартиры....

Еще ночь не вполне смѣнилась наступающимъ утромъ, какъ всѣ уже были на коняхъ и войска стали въ ружье; составъ и численность нашей арміи въ этотъ день были слѣдующіе:

Двѣ бригады 6-й пѣхотной дивизіи	3,978	чел.	} Баталіонъ 28—14,192	Челов.
Муромскій полкъ и 1-й баталіонъ Нижегородскаго пѣхотнаго полка . .	1,522	»		
1-я бригада 8-й пѣхотной дивизіи	1,888	»		
9-я пѣхотная дивизія	6,557	»		
6-й піонерный баталіонъ	247	»		
1-я бригада 4-й уланской дивизіи.	1,298	»	} Эскадронъ 9—1,415	
3-й жандармскій эскадронъ	117	»		
Батарея № 1-го и шесть орудій легкой № 3-го роты 7-й артилерійской бригады	300	»	} Оруд. 70—1,219	
Батарея № 1-го и четыре орудія легкой № 2-го роты 8-й артилерійской бригады	181	»		
9-я артилерійская бригада	419	»		
Легкія №№ 2-го и 3-го роты 11-й артилерійской бригады	221	»		
Четыре орудія конной № 28-го роты	98	»		
5-й Черноморскій казачій полкъ . .	489	»	} Казачьихъ полковъ 2 — 778	
Казачій полкъ Карпова	289	»		
Всего			17,604	

Къ разсвѣту колонны были построены и стали плавно, торжественно подвигаться по указаннымъ имъ направлеціямъ; всюду царствовала глубокая тишина и лишь въ небольшой группѣ кавалеристовъ слышенъ былъ оживленный разговоръ,—излагались и объяснялись планы дѣйствій, отдавались приказанія и получались донесенія объ ихъ исполненіи; здѣсь находился главнокомандующій со своимъ начальникомъ штаба и свитою. Въ войскахъ, къ которымъ подъѣзжала эта маленькая группа, слышались веселые отклики на краткое привѣтствіе графа Дибича.

Восходящее солнце застало насъ на силестрійскомъ плато.

Въ это время 9-я пѣхотная дивизія, составлявшая правый флангъ, была приостановлена, чтобы дать время остальнымъ колоннамъ совершить обходное движеніе влѣво. Высланные впередъ, въ разсыпную, казачьи полки прикрывали это движеніе, равно какъ и фронтъ нашего расположенія. Эта временная остановка казалась намъ невыносимою; взоры всѣхъ устремлены были къ Силистріи, въ надеждѣ, авось не покажется-ли, наконецъ, непріятель.

Около восьми часовъ утра колонны стали развертываться, совершая всѣ перестроенія съ такою отчетливостію, въ такомъ порядкѣ,

какъ будто войска участвовали на парадѣ. Теперь-то именно генералъ Толь находился въ своей сферѣ; онъ скакалъ отъ колонны къ колоннѣ, устанавливая ихъ, указывая офицерамъ генеральнаго штаба направление, дороги, словомъ, былъ душою, оживляющею всѣхъ и каждаго. Между тѣмъ вдали, то тамъ, то тутъ стали раздаваться одиночныя выстрѣлы, и воодушевленіе росло съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ насъ къ цѣли дѣйствій.

Пока пѣхота выстраивалась, генералъ Толь выѣхалъ впередъ къ казакамъ, и здѣсь-то восторженный глазъ увидѣлъ перваго врага. Турецкая кавалерія со своими зелеными, красными и бѣлыми значками стояла въ неправильныхъ кучкахъ; за нею расположена была пѣхота; нѣсколько сотъ шаговъ впереди разѣзжали вдоль фронта храбрѣйшіе наѣзники, большею частію—деди, въ высокихъ, черныхъ шапкахъ; пестро играли въ солнечныхъ лучахъ разнаго рода и цвѣта тюрбаны и одежды, особенно же яркостію отличался конскій уборъ, такъ какъ большинство вальтраповъ было краснаго цвѣта.

Казаки завязали перестрѣлку и получили приказаніе, медленно отступая, завести турокъ на нашу пѣхоту. Со свистомъ и шипѣніемъ посыпались около насъ пули; въ это время генералъ Толь, выскакавъ съ юношескимъ пыломъ впередъ, скоандовалъ: «маршъ! маршъ!» и лично, въ главѣ казачковъ, понесся съ нами среди громкихъ криковъ «ура!» на непріятеля... Вмигъ смята была турецкая конница, потерявъ до 20-ти человѣкъ убитыми и столько же плѣнными. Тѣмъ временемъ подошла и наша пѣхота, но артилерія не выѣжала еще на позицію; казакамъ-же, вслѣдствіе довольно пересѣченной мѣстности дальнѣйшаго поля дѣйствій, и притомъ исполнившимъ уже свое назначеніе, приказано было стянуться за лѣвый флангъ арміи. Турецкая кавалерія, не замѣчая пашей пѣхоты, снова было собралась, но вдругъ передъ нею развернулись грозные ряды штыковъ и, по командѣ «первое!» заревѣлъ орудіиный выстрѣлъ, и открылась капота, посылая смерть и смятеніе въ ряды испуганнаго врага, который, разсѣявшись по всему полю, въ неудержимой паникѣ бросился къ крѣпости. Въ ту же минуту заняты были высоты впереди праваго нашего фланга и центра, а батареи размѣстились въ полусохранившихся траншеяхъ, возведенныхъ въ прошломъ году.

Первою нашею наградою былъ видъ на самый городъ, который со своими мечетями и минаретами лежалъ передъ нами, какъ на ладони; въ долину видно было оживленное, болазливое движеніе, а крѣпостныя валы стали покрываться войсками и жителями, спѣшившими кто на защиту, а кто для удовольвенія своего любопытства.

Наконецъ, непріятель выслалъ намъ свое привѣтствіе, — густое кольцо дыма поднялось надъ крѣпостью, всѣ орудія которой разомъ открыли огонь; воздухъ содрогался какъ будто подъ безостановочными громовыми ударами, пересѣкаемый по всѣмъ направленіямъ градомъ ядеръ и бомбъ, большинство которыхъ, пролетая однако надъ нашими головами, ударялось сзади въ землю, глубоко взрывая ее и разбрасывая по сторонамъ. Это была настоящая адская музыка... Не смотря на все хладнокровіе, на все пренебреженіе къ смерти, голова какъ-то невольно наклоняется передъ первыми пролетающими мимо васъ съ шипѣніемъ ядрами, не смотря на то, что очень хорошо знаешь, что эти-то именно ядра наиболѣе безопасныя. Это невольное поклоненіе первымъ непріятельскимъ спарядамъ замѣчено было мною вначалѣ и у старыхъ вояковъ; впоследствии слухъ становится вполне равнодушнымъ къ этой музыкѣ.

Вслѣдъ за высотами стрѣлки наши заняли и первую паралель, устроенную еще въ прошломъ году, такъ что бой продолжался только на крайнемъ нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ Черниговскій полкъ старался вытѣснить непріятеля, засѣвшего въ ямахъ и виноградникѣ, въ которыхъ онъ держался весьма упорно.

Итакъ разгаръ битвы уже миновалъ; спокойно поѣхали мы назадъ къ высокому холму на оконечности праваго фланга, откуда можно было разомъ обозрѣть всю циркумвалаціонную линію и куда лишь отъ времени до времени долетали какъ будто заблудившіяся на излетѣ ядра (*). Вскорѣ по приближавшемуся все болѣе и болѣе къ крѣпости пороховому дыму лѣваго фланга, мы могли судить и объ его успѣхахъ. Всюду непріятель обращенъ былъ въ бѣгство, и къ тремъ часамъ по полудни окончилось, самымъ блистательнымъ образомъ, полное обложеніе Силистріи. Каноада стала постепенно утихать, и къ закату солнца раздавались лишь рѣдкіе одиночные ружейные выстрѣлы. Тѣмъ временемъ прибылъ и тяжелый обозъ, оставленный изъ предосторожности, до полудня, на мѣстѣ бивака, и вездѣ стали устанавливаться палатки для уставшихъ воиновъ.

Послѣ столь тяжелаго дня послѣдовало почти двухнедѣльное бездѣйствіе. Правда, ежедневно обмѣнивались мы съ непріятелемъ нѣсколькими ядрами и гранатами, отбили даже нѣсколько небольшихъ вылазокъ, углубили первую паралель и устроили нѣсколько батарей, но это отнюдь не подвигало осады, и мы ни на шагъ не подались

(*) Двѣ изъ нашей осадной эскадрильи, слѣдовавшія верхъ по Дунаю, оказали въ этотъ день особую услугу. Прикрытыя высокими берегами, они все время обстрѣливали мѣстность, лежащую впереди нашего праваго фланга, и совмѣстно съ Черниговскимъ полкомъ принудили турокъ къ очищенію всего поля.

впередъ, не смотря на то, что крѣпость, какъ съ суши, такъ и со стороны Дуная, паходилась въ такой тѣсной блокадѣ, что ни разу, при самой темной ночи, ни одинъ изъ посланныхъ въ Шумлу не миновалъ нашихъ рукъ. Причина этой медленности заключалась въ постройкѣ моста; 5-го мая онъ былъ начатъ и, лишь съ большими усиліями, оконченъ только къ ночи 24-го мая.

Когда мостъ на половину уже былъ сооруженъ, тогда только хвятились, что для другой половины не достанетъ плашкотовъ; доставлять же ихъ пришлось изъ Гирсова, на что и потратили болѣе десяти дней. Наконецъ рѣшено было перевезти осадную артилерію и 2-й корпусъ изъ Калараша на паромахъ, что исполнялось весьма медленно и съ большими затрудненіями, такъ какъ все время свирѣпствовали сильные вѣтры, подчасъ и бури. Первые орудія осадной артилеріи были установлены въ батареяхъ послѣ 20-го, а къ этому времени можно было бы собственно уже разсчитывать на сдачу Силистріи, если-бы мостъ былъ устроенъ одновременно съ днемъ обложенія. Непонятно, что къ столь важному вопросу отнеслись съ такимъ невниманіемъ, что заранѣе не разсчитали необходимаго, по ширинѣ рѣки, числа плашкотовъ; непонятно, что завѣдываніе этимъ дѣломъ или, по крайней мѣрѣ, надлежащій за нимъ надзоръ не были заблаговременно поручены благонадежному лицу, а довольствовались крайне поверхностными донесеніями; наконецъ, непонятно, какъ въ то время, когда ясно убѣдились, что мостъ не можетъ быть оконченъ, вновь стали утѣшать себя, подобно прежнимъ обѣщаніямъ Ш., новыми обѣщаніями К., вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ инымъ средствамъ, какъ, напримѣръ, къ флотилии, которая въ полномъ своемъ составѣ была готова къ нашимъ услугамъ. Тутъ, конечно, не доставало должной энергіи—много писали, но дѣйствовали мало. Къ этому присоединилось и не вполне удачное руководство осадными работами со стороны инженеровъ; одинъ изъ нихъ былъ, правда, беззавѣтной храбрости, но представлялъ собою черновой сколокъ Ш., другой, Л—ръ, обладалъ, быть можетъ, хорошею теоретическою подготовкою, но былъ лѣнивъ и обидчивъ до крайности. Такимъ-то образомъ пропадало драгоценное время, солдатики утомлялись ночною службою, ночными тревогами и только 24-го мая заложена была 2-я паралель.

Главная квартира располагалась на тыльномъ скатѣ одного изъ холмовъ праваго фланга нашей позиціи. Впереди насъ виднѣлся лагерь 9-й пѣхотной дивизіи, часть осадныхъ работъ и самая крѣпость; вправо Дунай, военная флотилія и транспортныя суда, а далѣе, какъ будто въ туманѣ, Каларашъ и палатки 2-го корпуса; влѣво

и въ тылу маркитантскія палатки и обозъ и задній казачій кордонъ. Служба наша подъ Силистріею была все время утомительна и опасна. Не взирая на то, что мы почти цѣлый день не сходили съ коня, посылаемые то въ правому, то къ лѣвому флангу, въ свободные отъ дежурства дни, тронимъ изъ четырехъ адъютантовъ генерала Толя, Е., Кр. и мнѣ, поручено было, по очереди, объѣзжать траншеи и доносить ему о всемъ намъ замѣченномъ, равно какъ и о ходѣ осадныхъ работъ. Подобная прогулка по траншеямъ легко могла быть каждый разъ послѣднею; достаточно было высунуть голову изъ-за бруствера на нѣсколько лишь минутъ, и можно было держать десять противъ одного, что въ ней очутится непріятельская пуля. Весьма замѣчательною точностію стрѣльбы отличались также турецкіе артиллеристы: по заранѣ опредѣленнымъ и обозначеннымъ на крѣпостномъ валу и платформахъ линиямъ, они могли наводить свои орудія на самые незначительные предметы, и стоило только показаться офицеру или конному въ сферѣ досягаемости крѣпостныхъ орудій, какъ его, навѣрное, уже сопровождало нѣсколько ядѣрь; привожу сказанное изъ личнаго опыта. Что касается бомбъ и гранатъ, то бросались онѣ не особенно вѣрно, причемъ первыя разрывались обыкновенно въ воздухѣ, а послѣднія совсѣмъ не разрывались. Только одинъ разъ упала въ моемъ присутствіи бомба во вновь устроенную батарею; не медля, конечно, всѣ легли на землю, а бомба, лопнувъ, забросала насъ почти совсѣмъ землею.

Солдатки наши, всегда готовые на отважныя предпріятія, часто забавлялись, въ то время, пока не была еще открыта 2-я параллель, угономъ у непріятеля, почти подъ самымъ крѣпостнымъ валомъ, лошадей и скота, пущенныхъ на подножный кормъ. Самыми отважными и ловкими въ этомъ случаѣ были люди 11-го и 12-го Егерскихъ полковъ. Во время одной изъ моихъ поѣздокъ по траншеямъ я лично былъ свидѣтелемъ, какъ эти молодцы угнали у самаго почти рва одного изъ бастіоновъ 50 штукъ воловъ и, не смотря на градъ пуль, посланный имъ въ догонку, благополучно вернулись со своею добычею. Для поощренія подобной удали установлены были главнокомандующимъ особыя преміи: за лошадь или быка по 1 червонцу, за корову 2 р., а за барана 50 к. сер. Нѣхотные полки далеко не обладали тою же храбростію и, главное, предпримчивостію егерей, которые составили себѣ такую славу, что тамъ, гдѣ ими заняты были аванпосты, турецкіе стрѣлки держали себя особенно осторожно, такъ какъ рѣдко егерская пуля не достигала своей цѣли. Кромѣ того особенно мѣткостію стрѣльбы отличались наши канонерскія лодки;

ежедневно три лодки по очереди, сами прикрытыя берегами Дуная, съ большимъ успѣхомъ обстрѣливали крѣпость и вѣшніе ея верки, причиняя туркамъ не мало вреда. Впослѣдствіи, когда установлена была осадная артилерія, канонада сдѣлалась оживленнѣе, и день и ночь воздухъ содрогался отъ грома орудій. Къ послѣднему мы до того привыкли, что вполнѣ покойно предавались безмятежному сну, и лишь тогда, когда среди этого рева раздавались звуки, похожіе на рубку деревьевъ въ лѣсу, тогда все подымалось на ноги и сѣдлались лошади,—это были ружейные выстрѣлы, сопровождавшіе вылазки осажденнаго, которыя, впрочемъ, обыкновенно не имѣли другихъ послѣдствій, какъ то, что прерывали на время нашъ дорогой сонъ.

Къ числу великихъ зрѣлищъ, созданныхъ рукою человѣка, относится, конечно, ночная бомбардировка. Въ это время кажется будто орудія режутъ и громче и страшнѣе, между тѣмъ воздухъ изрѣзывается по всѣмъ направленіямъ огненными полосами, а конгревовыя ракеты, разрываясь, извергаютъ, подобно драконамъ, цѣлые пучки пламени надъ крѣпостію; вдругъ вспыхиваетъ адское зарево, надъ которымъ взвиваются цѣлые столбы пламени, и куда, дабы помѣшать тушенію пожара, съ новою яростію сыплются бомбы. Два раза случилось мнѣ быть свидѣтелемъ этого зрѣлища, грандіозность котораго трудно описать.

Съ 15-го мая почти ежедневно стали прибывать къ намъ изъ крѣпости перебѣжчики, большею частію болгары и молдаване; но своими сообщеніями они причиняли намъ, какъ мнѣ кажется, болѣе заботъ, чѣмъ существенной пользы, такъ какъ, желая придать себѣ нѣкоторую цѣну, они обыкновенно являлись съ вѣстью, что турки къ предстоящей ночи готовятъ вылазку. Показанія эти ни разу не подтвердились, а между тѣмъ войска утомлялись безъ пользы, такъ какъ первоначально, ради предосторожности, часть осаждающаго корпуса находилась всю ночь подъ ружьемъ; впослѣдствіи стали мало обращать вниманія на эти сообщенія.

Продовольствіе арміи подъ Силистрією не оставляло желать ничего лучшаго; масса транспортныхъ судовъ, совершавшихъ рейсы вверхъ по Дунаю, снабжала насъ всѣмъ необходимымъ, и лишь въ началѣ чувствовался недостатокъ въ мясѣ; маркитантовъ было очень много и цѣны были сносныя.

Перевелъ съ нѣмецкаго М. фонъ-деръ-Лауницъ.